

Вскоре старый староста со сворой деревенских активистов уже шагал к дому Ли Сы. Никогда ещё в деревне Сикань не бывало, чтобы школьное начальство и учителя самолично заявлялись к кому-то во двор с добрыми вестями — это случилось впервые. Мальчишки сдали экзамены так блестяще, что старосте сам бог велел вмешаться и сказать веское слово от лица всей общины.

Гости обменялись парой общих фраз. Учителя объяснили, что школа выделит ребятам две стипендии, а приехали они в основном разузнать, не испытывают ли Ли Кай и Ван Сюань каких-либо трудностей в жизни. Школа, как их альма-матер, сделает всё возможное, чтобы облегчить им дорогу в университет.

Шутка ли! Хотя парни и заняли второе и третье места в общем зачёте, до абсолютного максимума им не хватило жалких десятка-другого баллов, а по двум предметам они и вовсе получили высшую оценку. Обладателя четвёртого места в провинции они оставили далеко позади.

Ли Сы нарвал на огороде свежих огурцов и помидоров, быстро сполоснул их, и гости с удовольствием хрустели сочными плодами, ведя неспешный разговор. Все темы теперь вертелись вокруг виновников торжества — каждый так и норовил вставить хвалебное слово.

Учителя разливались соловьями: и помыслы-то у ребят чистые, и в учёбе они примерные, и с товарищами дружны, и старших уважают — словом, гордость школы! Деревенские не отставали: да наши мальчишки и старикам помогают, и малышей не обижают, и трудятся не покладая рук!

Ли Кая и Ван Сюаня расписали так, будто у них и изъянов-то нет, а если и найдутся какие — так, пустяки, не стоящие внимания. Педагогов тоже можно было понять: благодаря этим двоим школа прогремела на всю провинцию, сам отдел народного образования оборвал телефоны с поздравлениями! Прежде-то первые строчки рейтинга безраздельно принадлежали столичным заведениям, а провинциалам оставалось лишь доедать крохи.

Да и за что ругать таких учеников? Раз прилежные в учёбе, значит, и во всём остальном должны быть золотыми. К тому же и университеты они выбрали солидные, поступление практически в кармане, да и школу они уже окончили — отчего бы не проводить их добрым словом?

Местные рассуждали схожим образом: свои же ребята, деревенские, как тут не гордиться? Теперь они — лицо деревни Сикань, пример для всей здешней детворы. Не хулить же их, в самом деле? Такой славой деревня сможет хвастаться добрый десяток лет. Да и глупо портить отношения с теми, кто явно пойдёт далеко. Пусть и не заискивать перед ними, но уж точно не враждовать. Каким надо быть дураком, чтобы вставлять палки в колёса людям, чья звезда только восходит?

Словом, беседа текла на редкость душевно. Вскоре Гоудань растопил очаг, одолжив у старой тетушки огромный котёл, а Ван Сюань быстро накрошил овощей, чтобы сообразить

праздничную лапшу на всех гостей, включая пришедших активистов. Обед, правда, сильно затянулся и превратился в поздний полдник.

Пиршество обошлось без заморских яств — да и откуда взяться разносолам в кустах социалистической деревни тех лет? Зато бульон удался на славу: наваристый, на сахарных костях (правда, из-за обилия гостей его пришлось разбавить колодезной водой, но вкуса он не потерял). Ван Сюань щедро крошил свежей зелени и добавил сушёных морепродуктов, нарезанных тонкой соломкой. Простая домашняя лапша пахла так, что слюнки текли.

Позже к столу позвали и Цичжи. Тот тоже сдал экзамены весьма прилично, хотя на фоне феноменального успеха Гоуданя и Ван Сюаня его результаты казались скромнее, чем могли бы. Парень долго тянулся за своими одарёнными товарищами и на экзамене превзошёл сам себя. Подавая документы, он осторожничал и выбрал Провинциальный педагогический институт — судя по проходным баллам прошлых лет, шансы у него были отличные. По крайней мере, так рассчитал Ли Кай.

Так трое вчерашних школьников и принимали именитых гостей. Учителя и староста уплетали угощение за обе щёки, утирая пот со лба и дивясь про себя: неужто Ли Сы так разбогател? Впрочем, кто-то резонно рассудил, что старик просто вытряхнул все заначки ради праздника — сын выбился в люди, можно один раз и погулять на славу.

Проводив гостей, Гоудань пообещал заглянуть в школу сразу, как придут официальные извещения. Ребята вызвались дойти с учителями до самого посёлка и повернули назад только тогда, когда те сели в рейсовый автобус. На обратном пути Цичжи то и дело подпрыгивал от распиравшего его восторга — баллов он набрал куда больше, чем рассчитывал, а значит, и конкурс ему теперь не страшен.

После этого случая у деревенских окончательно загорелись глаза. Раньше-то грамоту считали пустой затеей — мол, где мы, а где институты? Местные ребятишки обычно протирали штаны в классах пару лет и возвращались крутить хвосты коровам. А тут — гляди-ка! — все трое, кто не бросил учёбу, поступили! (Правда, у Гоуданя с Ван Сюанем всё было решено, а Цичжи ещё предстояло дожидаться окончательных списков, но учителя уверяли, что дело верное). Семья Цичжи сияла от счастья, хотя перед соседями родители парня по привычке скромничали:

— Да ладно вам, сыну ещё результатов ждать... Куда ему до Ли Кая с Ван Сюанем? Те-то с пелёнок головастые, а наш оболтус... — и далее в том же духе.

Но если одни радовались, то у других кошки на душе скребли. Старая госпожа Ли места себе не находила от досады. К тому же досужие кумушки не упускали случая уколоть её побольнее:

— Слыхала, старая госпожа Ли? Гоуданю-то школа за ум деньжищ отвалит! Небось, и родной бабке перепадёт круглая сумма?

Звучало это то ли в шутку, то ли с издёвкой — чужая душа потёмки.

Как бы то ни было, зерно упало на благодатную почву. Вернувшись домой, старуха тут же сорвала злость на Ли Сы. Раскричалась, что сын родную мать ни во что не ставит, раз утаил такую новость. Ли Сы лишь виновато мычал в ответ, пока мать исходила криком. Гоудань с Ван Сюанем благоразумно заперлись в комнате и не показывали носу, предоставив хозяину дома в одиночку сносить родительский гнев.

Цель у старой госпожи Ли была проста как день: деньги. Она требовала, чтобы половину будущей стипендии Гоудань отдал ей — в счёт уплаты содержания за этот год.

Сколько она ни надрывалась, Ли Сы упорно молчал. Требование было чересчур наглым, и уступить он не мог. Наконец старуха поняла, что внук плевать хотел на семейную иерархию: он даже не соизволил выйти, чтобы разыграть приличие. Затаился за дверью, словно неживой. Кричи не кричи, катайся по полу — ответа не дождёшься. Только соседей созвала на бесплатное представление.

Тем временем виновники переполоха преспокойно обсуждали свои планы на жизнь в столице. Вопли за окном их ничуть не трогали.

— И что, даже не выглянешь? — поинтересовался Ван Сюань.

— А зачем? — отозвался Гоудань. — Отцу пора бы уже зубы показать, а не плясать под дудку выжившей из ума старухи. К тому же я терпеть не могу, когда всякие советчики начинают зудеть над ухом, поучая, как быть примерным внуком или почтительным племянником. Пусть все сразу видят мою позицию: если уж на капризы собственной бабки мне плевать, то посторонним праведникам и подавно ловить нечего. Нечего меня учить сыновней почтительности.

Стоило ему выйти на улицу, как вечно находился какой-нибудь умудрённый годами старец, который хватал его за рукав и заводил унылую волынку: «Да как бы там ни было, она твоя родная кровь! Близких не выбирают, старших надо почитать, терпеть обиды...» Тьфу, тоска зеленая.

«Тошно до зубовного скрежета», — думал Ли Кай, встречая таких тугодумов ледяным взглядом.

— Никогда не стремился прослыть добряком, — хмыкнул он. — Чего им надо? Хотят красивой сцены семейного примирения? Извините, у моих принципов тоже есть предел упругости. Всё зависит от обстоятельств.

Его порой разбирал смех: те, кто громче всех ратовал за мораль, обычно сами в жизни ничего путного не добились. Прожили серый век, палец о палец не ударив, но обожали карабкаться на броневики чужой нравственности, чтобы казаться себе великими праведниками.

— Не бойся, — продолжил он тише. — У отца, кроме меня, никого нет. Он души во мне не чаёт,

так что спорить не станет.

По правде говоря, Ли Сы, кроме слепой отцовской любви, мало что смог дать сыну в плане воспитания. Окружающие видели в Ли Кае лишь образцового юношу: прилежный ученик, хваткий работник, умеет копейку заработать, да и держится со взрослыми на равных, рассуждая куда разумнее иных бородачей. В школе его обожали — и старшекласники, и мелюзга так и вились вокруг, стоило затеять какую-нибудь игру. Парень, правда, отличался крутым нравом в общении, и Ван Сюаню то и дело приходилось сглаживать острые углы. И всё же в Гоудане чувствовался внутренний стержень. Бузотёры считали его своим, отличники искали его компании — редкий дар притягивать людей.

Никто и не догадывался, что внутри этот парень вырос весьма своенравным и в рамки общественной добродетели вписываться не желал.

К примеру, жалости в нём почти не было. Слезами да истериками его было не пронять.

Когда родная бабка устраивала представления посреди двора, он взирал на неё с холодным безразличием случайного прохожего. Не шелохнётся, чтобы помочь подняться: хочет быть в пыли — пускай воем, устанет — сама уйдёт.

А если кто-то пытался взывать к совести — не удержи его Ван Сюань вовремя за плечо, Ли Кай давно бы спустил наглеца с лестницы. С какой стати терпеть нотации от чужих людей?

Впрочем, при обычных обстоятельствах он умело притворялся порядочным. В правилах приличия он разбирался отлично и, если видел выгоду, мог разыграть гостеприимство лучше любого дипломата. Но горе тому, кто приходил с дурными намерениями или просто был ему не по душе — такому в доме Ли Сы даже колченогого табурета не предлагали.

«Характер у него — не сахар», — думал Ван Сюань. Но этот колючий нрав ничуть не отталкивал. Гоудань оставался пугающе искренним: любил так любил, ненавидел так ненавидел. Жить с таким максимализмом тяжело, но Ли Кай ухитрялся находить лазейки. В делах он не знал преград, легко балансируя между чёрным и белым в серой зоне компромиссов. В нём уживались поразительное упрямство и житейская гибкость.

— Отец, я проголодался!

Наконец Гоудань лениво потянулся и вышел на порог, зевая во весь рот:

— Всё ещё здесь кукуете?обеда для вас не припасено, так что расходитесь подобиру-поздорову. Дядя, заберисвою матушку. Чего вы к моему отцу пристали? Сами ведь знаете — он у нас в доме ничего не решает.

— Ах ты щенок паршивый! — взвился старший дядя. — Совсем берега попутал, старших не

уважаешь! Ли Сы, кого ты вырастил? Ублюдок безродный, ни стыда в тебе, ни совести!

— Это мой-то отец меня плохо вырастил? — прищурился Гоудань. — Ты у людей на улице спроси, дядюшка. Твоих-то сыновей вся деревня знает. Слыхал я, знатных молодцев воспитал — одну бабу чуть на двоих не поделили.

— Ты... ты что несёшь, выродок?! — задохнулся от ярости дядя. — Поганный рот разинул на родную бабу!..

— Ещё одно слово, и я тебе зубы пересчитаю, — тихо перебил Гоудань. Его лицо мгновенно окаменело.

— Бабка она мне, спору нет, но тебе-то она — мать. Мой отец долг перед ней сполна закрыл: и зерно отвёз, и деньги отдал. Когда она хворала, именно мы оплатили большую часть лекарств. Вся деревня в курсе, и все знают, что эти деньги заработал я лично! Из чего у тебя харя сделана, дядя, раз ты на мою премию заришься? Мы еле концы с концами сводим, мне на эти гроши в столице учиться надо!

— Вы же мне всю жизнь поломать хотите, твари ненасытные! Самим совести не хватает, так старуху подговорили прийти поскандалить? Внук, видишь ли, должен бабу содержать! Вы там что, все разом передохли? Вот когда ты загнёшься, и сынки твои следом отправятся, тогда я, так и быть, раскошелюсь старухе на гроб. А сейчас — пошли вон со двора! Иначе я за себя не ручаюсь, быстро пинками выпровожу.

— Ох, господи, за какие же грехи мне такое наказание!.. — завывала на земле старуха.

Гоудань медленно повернул голову и уставился на плачущую госпожу Ли:

— За твои собственные грехи, бабка. Надо же, хоть под старость лет ума хватило это понять. Ты и в прошлой жизни, небось, кровь людям пила, да и в этой пакостить не забываешь. Раз уж сама всё знаешь, так зачем продолжаешь грешить?

<http://bllate.org/book/19654/1996786>